

Диалектика справедливости и силы в социальном бытии человека

Одной из базовых ценностей человеческого бытия является справедливость. Все рассуждения о справедливом и несправедливом поле своего применения имеют не содержание и не форму человеческих поступков, а меру их соответствия должному — некоему принципу (закону, норме, установке, обычаю, традиции, заключённому договору и т.п.), в соответствии с которыми каждый надеется получить то, что ему причитается. Иными словами, таким полем выступает сама мера и характер выполнения возложенных (нормами морали или права) на субъектов взаимных обязательств. Для справедливости второстепенным является то, каким именно поступком один человек проявляет её по отношению к другому и в какую форму этот поступок облачён. Главное — сам факт бытийности данного явления. Хотя это совсем не означает, что для субъектов, демонстрирующих друг другу свою взаимную расположенность, не важно, чем именно заявляет о себе справедливость и в каком обликии она предстаёт. Чувственное и рациональное восприятие людьми справедливости, как и её противоположности, во многом зависит и от содержания, и от формы этих образований. В этом плане можно говорить о красоте справедливости, или о её обыденности, величественности или традициональности, о неожиданности или её ожидаемости.

Можно выделить, по меньшей мере, *два основных источника*, вызывающих к жизни справедливость. *Первый* средой своего обитания имеет духовный мир личности, её мировоззрение. В огромной степени он зависит от воспитания и зиждется на сформированном у индивида убеждении, что поступать несправедливо нельзя. Здесь справедливость — зов, проявление совести. Установка на то, что жить и действовать несправедливо недопустимо — свидетельство высокой моральной культуры личности. Её политические симпатии, уровень религиозности, национальная принадлежность, место жительства, нередко и уровень образованности тут малозначимы. Ориентация субъекта на справедливость становится неотъемлемым компонентом его мировоззрения. Он живёт и дейст-

вует согласно её принципам не потому, что так нужно, что так поступают другие, так требуют функционирующие в обществе регулятивные нормы. Это его внутренняя потребность, имеющая сложную биосоциальную природу.

Такой подход к трактовке источника справедливости вполне согласуется с базовыми положениями популярной в социологии диспозиционной концепции личности, которая рассматривает поведение индивида с позиций его готовности к действиям в социальной и природной среде, восприятию информации и событий, происходящих в окружающем мире. И действительно, то, как ведёт себя человек в конкретных жизненных ситуациях, какие принимает решения и что делает, зависит не в последнюю очередь от степени его готовности делать это и внутренней ориентации (установки) на вполне определённые ценности. Если у индивида сформирована установка на справедливость, то последняя приобретает для него статус ценности, защита и утверждение которой рассматриваются как крайне важное, жизненно значимое дело. Установка является ядром диспозиции субъекта, которая, в свою очередь, рассматривается как его готовность, склонность, расположенность к чему-либо. Довольно рельефно заявляют о себе две особенности установки на справедливость. Во-первых, она принадлежит к так называемому высшему уровню диспозиций (всего таких уровней три — высший, средний и низший), имеющему мировоззренческую направленность и определяющую общую стратегию поведения субъекта. Во-вторых, эта установка пронизывает своим влиянием и два других уровня диспозиции, имманентно обуславливая присутствие справедливости во всех актах человеческого поведения. Иными словами, она обладает чертой некоей всеобщности.

Понятно, что у человека нет особого гена справедливости. Но желание справедливости — его естественное состояние, соответствующее собственно человеческой природе. По мнению Сократа, «ни один человек... на вопрос, хотел ли бы он быть справедливым или несправедливым, не выберет несправедливости» [1, с. 30]. Справедливость — одна из важнейших человеческих добродетелей. Аристотель полагал, что «...добродетели существуют в нас не от при-

роды и не вопреки природе, но приобрести их для нас естественно, а благодаря приучению... мы в них совершенствуемся» [2, с. 78]. Поэтому так важно средствами воспитания и образования всячески упрочивать на уровне каждого индивида убеждение в необходимости жить и действовать честно и справедливо. Это тем более значимо, что заставить, принудить индивида поступать справедливо, если он этого не желает, очень сложно, в большинстве случаев невозможно. Справедливость по убеждению и зову совести — самый искренний способ продемонстрировать другому человеку своё отношение к нему, подчеркнуть его достижения, заслуги и значимость.

Одной из сущностных черт справедливости, о которой идёт речь, является то, что она во всех случаях имеет ярко выраженный личностный характер. Ведь духовный мир каждого индивида, его мировоззрение уникальны и неповторимы. Любое убеждение всегда глубоко личностно. Говорить об этом духовном образовании относительно объединений людей, даже самых малочисленных, можно весьма условно. Несомненно, существует множество факторов, в том числе мировоззренческого плана, объединяющих людей в малые и большие группы, делающих их целостностью, субъектом познания и практики, силой, продуцирующей справедливость или её противоположность, но источник справедливости в данном случае будет лишён той личностной чистоты, о которой шла речь выше. На уровне различных социальных объединений, как и общества в целом, функционирует множество других побудительных сил, заявляющих о себе в контексте бытия (небытия) справедливости.

Второй источник справедливости имеет внешний по отношению к человеку характер. Территория его бытия — мир норм, правил поведения, культивируемых в обществе в целом и в различных объединениях людей (семья, коллектив, класс, этнос, политическая партия, конфессия и т. д.) Общество как надиндивидуальное образование не может нормально развиваться, не выстраивая свою жизнедеятельность на принципах справедливости. Чем больше и шире представлен данный феномен в социуме, тем меньше в нём социального напряжения и конфликтов. Существует прямая связь между справедливостью и

эффективностью функционирования социальных институтов. В означенной ситуации справедливость как бы задаётся извне — как постулат, норма, императив. Она имманентно присутствует, в большей или меньшей мере, в нормативной базе морали и права, обычаях и традициях, существующих в обществе. Следование их требованиям — неременное условие того, что ты пребываешь в содержательном поле данного образования. Главное — не нарушать соответствующие предписания, и тогда имеешь возможность «...быть справедливым самому с собой...» [1, с. 324] и по отношению к другим людям. Соблюдать справедливость здесь можно, не обязательно имея внутреннюю установку на данную ценность. Основанием для соответствующих поступков человека могут быть страх перед наказанием за невыполнение возложенных на него обязательств, материальное вознаграждение, корыстная заинтересованность, желание выслужиться и многое др.

Справедливость, исходящая из рассматриваемого источника, имеет во многом принудительный характер. В её основе всегда лежит сила — законов, возложенных на субъекта обязательств, религиозной догмы, знания и т. п. За этой силой может стоять что угодно или кто угодно. Но именно она выступает в роли своеобразной пружины, запускающей действие справедливости. Это справедливость, но совершенно иного рода, чем та, которая вызывается к жизни личными убеждениями субъекта. В ней нередко присутствует формализм, определённая алгоритмичность, казённая сухость. Она может быть лишена эмоциональной возвышенности, искренности и душевной теплоты. Но без неё общество обойтись не может, как не может обойтись без силы вообще, власти, принуждения, порядка. Важно, чтобы она была. И чтобы в данной справедливости были минимально представлены её слабые стороны.

Справедливость и сила — социальные феномены, имеющие во многом противоположные характеристики. Одновременно они заинтересованы друг в друге. И, как правило, пытаются использовать возможности и преимущества своего антипода в собственных целях. Точкой пересечения справедливости и силы выступают желания субъекта. Это чувство как бы «сплавляет» два на-

званных образования в единое целое. Чтобы реализовать желания, нужна сила. В содержательном отношении спектр желаний предельно разнообразен. В какой мере он коррелируется со справедливостью — зависит непосредственно от субъекта.

В контексте обмена людьми информацией, ведущего как к взаимопониманию, так и непониманию друг друга, существенную роль играет дискурс. И для справедливости, и для силы важно, чтобы их не только слышали, но и понимали мотивы функционирования. В первую очередь в этом заинтересована сила. Особенно актуально это в ситуациях, где от принятых решений зависит судьба людей — в медицине, политике, праве и других сферах. Дискурс справедливости и дискурс силы имеют свою специфику, прежде всего в плане содержания используемых аргументов и преследуемых целей. Дискурс силы призван оправдать её применение, показать положительные стороны данного образования. Дискурс справедливости в этом не нуждается, его призвание — демонстрация жизненной важности, пользы, привлекательности соответствующего феномена. На эту особенность обоих дискурсов в своё время обращал внимание ещё И. Кант. Их специфика стала предметом специального исследования французского философа и литературоведа Р. Барта. Дискурс силы во многом осуществляется средствами идеологии, которая в разные времена и в разных странах имеет различную меру присутствия в обществе и разную степень влияния на его жизнь. Дискурс справедливости — это, как правило, моральное воспитание, система образования и деятельность церкви. Довольно рельефно он представлен в философии и общественном мнении.

В условиях тотального противостояния двух общественно-политических систем — социализма и капитализма — ведущими средствами решения экономических, политических, социальных и других проблем были средства силы. Феномен справедливости в этой ситуации играл хоть и важную, но не ведущую роль. Кстати, он весьма эффективно использовался в пропагандистской и воспитательной работе как с одной, так и с другой стороны. Но в своём стратегическом проявлении был подчинён в целом интересам идеологии. В современ-

ных условиях можно говорить о возрастании роли дискурса справедливости в формировании общественно-политической и нравственной картины мира, усилении его влияния на выработку социальных ориентиров функционирования конкретных обществ и государств, трансформацию смысложизненных ценностей бытия индивидов и их различных объединений.

При этом не стоит забывать, что люди в своих поступках движимы всегда вполне конкретными потребностями, интересами, желаниями. Пытаясь достичь компромисса с другими индивидами, в том числе относительно использования силы и соблюдения норм справедливости, они действуют в пределах определённой меры. Нарушить её — значит сделать необоснованную уступку другому, поступить во вред своим интересам, отступить от взятых на себя обязательств. Любой компромисс — это взаимное соблюдение обеими сторонами, участвующими в обмене информацией и являющимися нередко носителями разных видов дискурса — силы или справедливости — некой пропорции интересов и обязательств. При поиске компромисса, даже если в нём очень заинтересованы договаривающиеся субъекты, всегда существует тот рубеж, переступить который ни одна из сторон не желает, а часто и не может. Потому-то нередко случаи, когда дискурс заканчивается не компромиссом, а обострением противостояния (взглядов, подходов, парадигм) или силовым вариантом решения проблемы. Именно так обстоит дело уже не один десяток лет в отношениях между Северной и Южной Кореей, Израилем и арабским миром, США и Кубой.

Классовая и социальная борьба, в том числе за справедливость, всё больше смещается в плоскость теоретических дискуссий. Очень часто преимущество в ней получает тот, кто имеет возможность свободно излагать свои мысли, т.е. кто не ограничен — финансово, организационно, политически — в доступе к средствам массовой информации. Как следствие, правым нередко становится не тот, кто ратует за справедливость, а кто располагает силой, позволяющей общаться с аудиторией. Таким путём происходит навязывание широким массам различных идеологий, стереотипов, установок, не в последнюю очередь весьма

отдалённых от справедливости. В дискурсе справедливости и силы побеждает, как правило, сила власти. С её помощью «...и посредством рассуждения сила наделяется правом и справедливостью...» [3, с. 83]. К сожалению, желание доказать, что сильное — справедливо, всё чаще заявляет о себе в обществе, особенно в сфере политики. Но от этого сила не становится лучше и гуманнее. Справедливость — не та характеристика, которую можно внешним способом внести куда-либо, в силу в том числе. Если справедливость отсутствует, её нельзя, даже при самом большом желании, принудительно навязывать ни одному из проявлений человеческой активности. Можно сколько угодно говорить о справедливости силы, приукрашивать последнюю с помощью различных эпитетов, но если она опредмечивает себя вопреки справедливости, спрятать это даже за самой изящной словесной эквилибристикой не удастся.

Полемизируя о соотношении справедливости и силы, люди нередко забывают, что сила имманентно присутствует и в самой справедливости. Ничто так не влияет на сознание и поведение человека, как реальное проявление справедливости. Она вызывает энтузиазм и стимулирует волю для свершения задуманного. Торжествуя, справедливость демонстрирует — своим оппонентам, противникам и приверженцам — преимущества гуманизма, потенциал человеколюбия, собственную жизнеутверждающую направленность. Сила справедливости в том, что она вдохновляет и поддерживает людей, делает их лучшими, более искренними и открытыми для окружающих. Ощувив на себе справедливость со стороны других, невольно хочешь ответить им тем же. Справедливость сильна добром, которое она созидает.

В разговоре о справедливости нельзя обойти вниманием вопрос о весьма непростых отношениях этого образования с идеологией. Идеология — неотъемлемый компонент общества, отличающегося выраженной социальной структурированностью. Причём, чем выше уровень последней, тем разнообразнее, богаче спектр идеологических конструкций, функционирующих в социуме — классовых, национальных, религиозных и др. Отличительная особенность идеологии как духовного образования — выражение и защита интересов боль-

ших групп людей. Чтобы эффективно влиять на сознание масс, привлекать на свою сторону как можно большее число индивидов, идеология (и те социальные силы, которым она служит) всегда пытается представить себя поборником справедливости. И здесь совершенно не важно, чьи интересы представляет конкретное идеологическое образование. Во всех без исключения случаях всевозможные идеологические построения всячески демонстрируют свою приверженность справедливости. Даже тогда, когда воплощают в себе интересы антагонистических социальных сил. Не случайно к данной социальной ценности апеллируют и коммунистическая идеология, и идеология фашизма. Правда, справедливость они понимают и трактуют по-разному. Своё видение справедливости имеют националисты самых разных мастей и те, кто является сторонником интернационализма и глобализации.

Идеология объективно вынуждена апеллировать к справедливости, ибо последняя — выражение естественного права человека как существа, не способного адекватно реализовать себя вне свободы и справедливости. Другое дело, какую цель преследует конкретная идеология, провозглашающая себя поборницей и защитницей данной ценности — узкокорыстную, или она действительно искренне заинтересована в её активном воплощении в жизнь. Можно привести множество примеров, когда феномен справедливости подвергается в идеологии деформации, теряет своё истинное лицо и приобретает черты мифа. Такая мифологизация справедливости не на пользу ни ей самой, ни идеологии. В означенной ситуации люди теряют веру в возможность воплотить справедливость на практике. Она становится для них элементом несбыточной мечты. Нередко именно так использует справедливость в своих интересах власть, особенно если она груба и цинична. Идеологии, отличающиеся позитивностью и прогрессивностью, являются истинными глашатаями справедливости. Она выступает неотъемлемым компонентом их смыслового ядра. В случаях, когда речь идёт об идеологиях правящих социальных сил, это способствует облагораживанию власти, приданию ей соответствующего морального облика.

В идеологическом противостоянии справедливость становится, к сожалению, заложницей идеологии. Последняя использует её во многом как приманку, которая позволяет не только увеличить степень популярности своих идей в обществе, но нередко и дезавуировать их подлинный смысл, противоречащий на самом деле истинной сути справедливости. Поскольку вопросы об истинности идеологии и мере соответствия её положений и выводов требованиям социального прогресса являются в высшей степени сложными и далеко не всегда имеют однозначные ответы, феномен справедливости, равно как и феномены свободы и равенства, всегда будут пользоваться в идеологическом пространстве повышенным спросом.

Идеология в современном обществе — это не только программы политических партий, могущественный поток пропагандистской информации во время различных предвыборных кампаний, воззвания и лозунги в колоннах бастующих, проповеди в храмах и послания церковных иерархов. Во многом — это «...язык большой прессы, массовой культуры, рекламы и т.п.» [3, с. 81] В последнем случае идеологический контекст целенаправленно или исподволь, открыто или завуалировано присутствует, если не во всех, то в очень многих блоках информации. Не обязательно в чистом, рафинированном виде. Он, как правило, обильно «сдобрен» суждениями о благе, истине, заботе о физическом, психическом и моральном здоровье людей, качестве их жизни, необходимости борьбы с бюрократией и коррупцией, торжестве демократии и неуклонной реализации принципов справедливости. Тем самым идеология быстрее и легче усваивается людьми, не всегда вызывая у них желание критически осмыслить услышанное, увиденное, прочитанное.

Литература:

1. *Аристотель. Большая этика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. — Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. — М.: Мысль, 1983. — С. 295–374.*

2. *Аристотель*. Никомахова этика // *Аристотель*. Сочинения: В 4 т. — Т. 4 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А. И. Доватура. — М.: Мысль, 1983. — С. 53–293.
3. *Марков Б. В.* философская антропология: очерки истории и теории. — СПб.: Изд-во «Лань», 1997. — 381 с.